

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Керимов Александр Джангирович¹,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: 8017498@mail.ru,

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу перспектив конституционного развития Российской Федерации на современном этапе развития общества и государства в условиях накопившегося опыта и актуальных вызовов, сложившихся в международных отношениях. В работе обосновывается необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации. Высоко оценивая содержание, потенциал и направленность конституционных изменений 2020 года, автор вместе с тем убеждён, что существует настоятельная потребность в дальнейшем форсированном продвижении в заданном направлении. Это обусловлено тем, что, как минимум, четыре фундаментальных положения Основного закона подлежат кардинальному пересмотру вплоть до их решительной и окончательной отмены. Речь идёт о части 2 статьи 13, запрещающей государственную идеологию, о части 2 статьи 9 Конституции, допускающей частную собственность на Землю и другие природные ресурсы, о части 1 статьи 1, объявляющей Россию демократическим государством, о статье 2, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: Конституция, Россия, ценности, частная собственность, природные ресурсы, идеология, Запад, права и свободы, демократия

ON THE PROSPECTS OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT

Kerimov A.D.¹,

Doctor of Legal Sciences, Professor,

e-mail: 8017498@mail.ru,

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of the prospects for the constitutional development of the Russian Federation at the present stage of development of society and the state in the context of accumulated experience and current challenges in international relations. The article substantiates the need to adopt a new Constitution of the Russian Federation. While appreciating the content, potential and direction of the 2020 constitutional amendments, the author is convinced that there is an urgent need for further accelerated progress in this direction. This is due to the fact that at least four fundamental provisions of the Basic Law are subject to cardinal revision until their decisive and final repeal. We are talking about part 2 of Article 13, which prohibits state ideology, part 2 of Article 9 of the Constitution, which allows private ownership of Land and other natural resources, part 1 of Article 1, declaring Russia a democratic state, article 2, proclaiming man, his rights and freedoms as the highest value. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: The Constitution, Russia, values, private property, natural resources, ideology, the West, rights and freedoms, democracy

Введение

Многие важнейшие, фундаментальные положения Конституции 1993 г. во что бы то ни стало подлежат кардинальному пересмотру. Факт этот не вызывает сегодня у значительного сегмента национально ориентированных политиков и чиновников, ответственных экспертов и ана-

литиков, патриотично настроенных граждан ни малейших сомнений, что, конечно, неудивительно. Ни для кого не секрет, что в конце прошлого столетия, законодательный акт, обладающий высшей юридической силой, был инспирирован и составлен, в том числе и лицами, придерживающимися радикально либеральных взглядов и финансируемых Западом, особенно США. Это пагубным образом отразилось на его содержании, букве, духе и на всём дальнейшем развитии нашего общества и государства. Мы до сих пор вынуждены исправлять совершённые тогда сторонниками Б. Н. Ельцина просчёты и ошибки.

С. Н. Бабурин прав, когда пишет, что Конституция вобрала в себя и некоторые ценные нормы, родившиеся в предшествующий ей период, но наряду с этим многие её новшества граничат с национальной капитуляцией и с течением времени превратились в препятствие, не позволяющее народу России стряхнуть наваждение и подняться с колен [1, с. 14].

Изменения, с точки зрения большинства, должны затронуть, помимо прочего, и ряд установленных глав 1, 2 и 9, для чего необходим созыв Конституционного Собрания (ч. 2 ст. 135 Конституции). Оно призвано разработать проект Основного закона, принять его самостоятельно двумя третями голосов от общего числа членов Собрания или вынести на референдум (ч. 3 ст. 135 Конституции). О давно назревшей, настоятельной потребности в новой, отвечающей вызовам времени Конституции убедительно рассуждают авторитетные учёные: С. А. Авакьян [2, с. 11–36; 3, с. 21–38], С. Н. Бабурин [4, с. 4–7], М. И. Клеандров [5, с. 7–17], Ю. Л. Шульженко [6, с. 39–55].

В нынешних условиях верховное руководство страны, как мы видим, сочло логичным и конструктивным пока что не инициировать столь громоздкую, обременительную и длительную процедуру, а пойти иным путём и подвергнуть серьёзной модификации отдельные нормы глав 3–8 (ст. 136 Конституции), что, на наш взгляд, разумно. Тем самым удалось в определённой степени нивелировать крайне негативные эффекты практического применения положений глав 1 и 2, а также конкретизировать магистральные направления эволюционирования нашей Державы, точнее и чётче очертить наши ценности и идеалы. К тому же фундаментальные изменения Основного закона 2020 г. существенно усовершенствовали механизм государственного управления, повысили его качество и ознаменовали собой начало современного, модернизационного этапа политико-правовых преобразований непреходящей значимости не только для прогрессивного развития нашей страны, но и для всего международного сообщества. Нельзя не заметить, что само смысловое содержание, равно и мобилизационно-созидательный потенциал соответствующих конституционных нововведений чрезвычайно важны и даже революционны. Направления этих изменений мы оцениваем однозначно позитивно.

Сейчас же хотелось бы подчеркнуть, что сказанное отнюдь не снимает с повестки дня напряжённую актуальность, острую насущность подготовки и принятия в ближайшем будущем новой Конституции. Приведём лишь несколько аргументов, свидетельствующих в пользу озвученной и отстаиваемой нами и коллегами-единомышленниками позиции.

Идеология

У нас на конституционном уровне запрещена государственная идеология, с чем невозможно согласиться. Ч. 2 ст. 13 Конституции однозначно и беспелляционно провозглашает: никакая идеология не может утверждаться в качестве государственной или обязательной. Эта норма, которую, напомним, первый президент России Б. Н. Ельцин (1931–2007) рассматривал (надеюсь, по недомыслию, а не злонамеренно) как одно из важнейших достижений¹, уже принесла и по сию пору продолжает приносить огромный вред нашему Отечеству. Она сильно затрудняла и поныне затрудняет конструктивную работу народа, политических деятелей, учёных и специалистов по сдерживанию навязываемой Западом

¹ Общими силами – к подъёму России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 // Российская газета. – 1998. – 24 фев. – Анализируемый запрет, по абсолютно обоснованному мнению Т. Н. Радько, невозможно отнести к достоинствам Конституции, ибо он «противоречит истории Российского государства, всегда имевшей собственную духовную (идеологическую) силу» [7, с. 73].

агрессивной экспансии либерально-глобалистских мировоззренческих концепций и ценностей². Мы солидарны с К. А. Ишековым, полагающим, что содержащееся в указанной норме строжайшее табу является отражением эпохи распада СССР и в перспективе может быть (для нас: непременно должно быть – *Примеч. авт.*) отменено в связи с принятием новой Конституции России [9, с. 56]. Эта позиция сегодня, к счастью, достаточно широко представлена в среде правоведов и политиков.

К тому же ч. 2 ст. 13 Конституции видится нам бессмысленной. Приведённое установление самым прямым и непосредственным образом противоречит, например, ч. 5 той же ст. Конституции. В ней наложен запрет на учреждение и функционирование объединений, устремления и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв её безопасности, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Этот отрывок изложен нами (очень близко к оригинальному тексту, почти дословно) исключительно с одной-единственной целью: специально продемонстрировать, наглядно показать, что даже в отдельном коротком фрагменте могут быть зафиксированы ключевые элементы, краеугольные, незыблемые начала нашей государственной идеологии. Само собой разумеется, что последняя в той или иной, большей или меньшей степени, по сути, закреплена во многих статьях Конституции. Следует, безусловно, согласиться с С. А. Авакьяном в том, что Основной закон просто не может не быть идеологическим, т. е. мировоззренческим документом. Ведь все содержащиеся в нём постулаты, практически все его положения отражают видение желаемой социально-политической системы [10, с. 11]. Государственной идеологии, принципов и постулатов обязаны придерживаться и рядовые граждане, и должностные лица. Она тем самым, бесспорно, существует де-юре. Существует она и де-факто, выражаясь в конкретных решениях и деяниях разного рода акторов, прежде всего обладающих публично-властными полномочиями.

Всяческие республики и любые монархии, какие угодно демократии и всевозможные автократии, как из далёкого прошлого, так и текущей современности, вне зависимости от их цивилизационной и формационной принадлежности, неизменно руководствуются определённой идеологией. Она всегда была, есть и будет, хотя порою возникает обманчивое, иллюзорное ощущение её отсутствия. Посему запрещать её на конституционном уровне – «совершеннейшая нелепость».

На нынешнем поразительно сложном и смертельно опасном этапе исторического развития нам, нашей Отчизне как воздух нужна государственная идеология. Да, она существует. Но пока ещё в самом общем, в каком-то неуверенном, растерянном, несосредоточенном виде, в некоем бесформенном, аморфном, рыхлом состоянии, в качестве разрозненных, плохо согласованных, слабо взаимосвязанных между собой отдельных принципов и положений. Необходима, однако, сбалансированная, чётко выверенная, ясно и понятно, внятно и доходчиво сформулированная система фундаментальных постулатов, непререкаемых аксиом и исходных допущений, без которых, кстати, в данном случае не обойтись.

И здесь нельзя медлить. Следует безотлагательно ответить, притом не отвлечённо, умозрительно, а сугубо предметно и конкретно, на нерешённые (или не до конца решённые) нами судьбоносные вопросы: куда, в каком направлении, как уникальная страна и самобытная цивилизация, движется и должна двигаться Россия; какую структуру экономических и политических отношений мы намерены создать; каковы наши стратегические цели в основных областях жизнедеятельности, наши заветные упования и этические идеалы; какое общество в его субстанциальных ипостасях и воплощениях мы стремимся построить; каким мы хотим видеть мир XXI века в его глобальном измерении и какова роль в нём нашей Державы и т. д., и т. п.

Интересны, как и всегда, рассуждения на рассматриваемую тему А. А. Зиновьева (1922–2006). Ещё в 2005 г. он писал, что после распада советского коммунистического блока, самого СССР и разгрома социалистического строя в государствах соответствующей части планеты началась эпоха

² Н. А. Бердяев (1874–1948), был, несомненно, прав, когда заявлял: «Влечение к бесконечной экспансии лежит в основе капиталистического мира, со всеми его обманами, превратностями и противоречиями» [8, с. 191]. Здесь нельзя упускать из виду тот факт, что экспансия эта касается отнюдь не только хозяйственно-экономической сферы, отношений собственности, о чём в данном пассаже и пишет философ. Она, бесспорно, распространяется и на иные области человеческого бытия: политическую, идеологическую, духовно-нравственную.

эволюционного спада, тотальной социальной реакции. Важнейшими компонентами последней явились искусственно генерируемое и всячески поощряемое всеобщее помутнение умов, реанимация дремучих идеологий прошлого и изобретение новых, к сожалению, того же ментального уровня и той же направленности. Реализовывал эту реакционную практику Запад во главе с США, не встречая никаких серьёзных препятствий, способных её остановить или хотя бы замедлить. То же самое он делает и сегодня.

Запущенный им процесс, продолжил А. А. Зиновьева, угрожает существованию миллиардов людей на Земле, фактически всем *Homo sapiens*. Если и возможно заблокировать указанный процесс, то, по мнению учёного, только путём создания новой идеологии, по масштабам сопоставимой с марксистской, но превосходящей её по интеллектуальной мощи, по степени адекватности условиям и потребностям наступившего третьего тысячелетия [11, с. 69]. Задача, с нашей точки зрения, сложная, но выполнимая. И к её решению следует приступить в ближайшее же время. Возглавить работу по созданию в нашей стране государственной идеологии, по организации и мобилизации необходимых для этого специалистов и экспертов должно, разумеется, само государство, его политическое руководство.

Частная собственность

В соответствии с ч. 2 ст. 8 Конституции в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности³. Согласно ч. 1 ст. 9 Конституции, Земля и другие природные ресурсы объявляются основой жизни и деятельности народов, проживающих на территории России. При этом парадоксальным образом допускается, что они могут находиться, в том числе и в частной собственности (!) (ч. 2 ст. 9 Конституции). Характерно, что об этой форме собственности (а не о государственной, не о муниципальной и не о иных её видах) в обеих статьях говорится в первую очередь. О ней же речь идёт и в ст. 35 и 36 Конституции.

Но ведь ничто, как явствует из текста ч. 2 ст. 9 Конституции, не мешает известным персонажам, т. е. представителям класса буржуазии, прежде всего крупного капитала (в силу наличия у них очевидных преимуществ и имманентных им хищнических, непомерно алчных притязаний), обратить все без остатка названные ресурсы в свою собственность, предумышленно и цинично лишив государство, муниципалитеты и прочие субъекты возможности ими владеть, пользоваться и распоряжаться в интересах всего населения. Разве не в этом направлении мы ускоренно и настойчиво продвигались ещё совсем недавно – в 90-ые гг. XX века? Разве не тогда осуществлялась, по сути, преступная, грабительская приватизация? И разве, наконец, частная собственность автоматически, сама по себе с неизбежностью предполагает неустанную, бескорыстную и трепетную заботу об общем благе? Складывается устойчивое и оправданное впечатление, что обыкновенно всё происходит как раз наоборот. Капиталистические предприятия, частные корпорации всецело сосредоточены на удовлетворении исключительно своих сугубо материально-финансовых потребностей, сфокусированы на извлечении максимальной прибыли. Озабочиваться всеобщим призвано в идеале государство. В этом его важнейший смысл и предназначение.

Кроме того, совершенно ясно, что ресурсы, миллионы лет создаваемые природой и задействованные в процессе общественного производства, являются достоянием всех жителей любой отдельной страны. Они ни при каких обстоятельствах не должны безраздельно принадлежать узкой группе лиц, получающей в результате их интенсивного, как правило, бесконтрольного и неограниченного коммерческого использования баснословные доходы. В противном случае грубо попираются базовые, непреложные принципы социальной справедливости.

Между тем люди исстари, ещё до нашей эры хорошо осознавали, что справедливость – непоколебимое основание государства. На этом настаивал, к примеру, древнегреческий поэт-лирик Пиндар

³ Понятие «иные формы собственности», как показала практика, трактуется достаточно широко: это и собственность религиозных и общественных объединений, и родовых общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, и иностранных юридических и физических лиц и др.

Принцип равной защиты всех форм собственности не следует интерпретировать, что ошибочно нередко делается, как принцип их равенства. На данное обстоятельство совершенно верно указывают Е. А. Суханов [12, с. 171], В. В. Гошуляк [13, с. 146].

(около 518–442 до н. э.)⁴. В том же духе высказывался и Платон (427–347 до н. э.), как, впрочем, и многие другие. По словам философа, неправда достигает своего предела, когда несправедливое начинают почитать справедливым⁵. С воцарением почти на всей планете частной собственности на природные ресурсы именно так и произошло. Неправда дошла до крайней черты и стала вопиющей, отвратительно безнравственной.

Сложившееся и неутомимо охраняемое сильными мира сего положение вещей, т. е. железная незыблемость их права на богатства Земли, к формированию которых они элементарно не имели и не могли иметь ни малейшего отношения, ими же всячески и оправдывается. Оправдывается с позиций рационально-теоретических, морально-этических, ценностно-религиозных. Эта привилегия беззастенчиво преподносится ими как абсолютно приемлемая, вполне естественная, объективно обусловленная, более того, целесообразная, а порою и божественно предопределённая. Особенно удручает и шокирует то, что большинство человечества (хотя, конечно, вовсе не всё) похоже, с этим как будто смирилось.

Необходимо в данном случае обратиться к позитивному советскому опыту законодательного регулирования основ экономической системы и частично использовать его на нынешнем этапе исторического развития. В своё время, в Конституции СССР 1977 г., как известно, появилась, на наш взгляд, весьма удачная формулировка – «исключительная собственность государства»⁶. В ст. 11 устанавливалось, что в такой, т. е. в исключительной собственности государства находятся, помимо прочего, земля, её недра, воды, леса. Мы убеждены, что аналогичное положение следует закрепить в новой российской Конституции. В исключительной государственной собственности должны оказаться, как минимум, все имеющиеся в стране природные ресурсы. Что же касается определения конкретного перечня объектов такой собственности, то он, кстати, может быть и открытым, предусматривающим право законодателя на его увеличение⁷.

Думается, что к составлению такого, т. е. некоего базового, не ограниченного заранее заданными догматическими рамками перечня объектов исключительной государственной собственности надлежит привлечь самые широкие слои населения. Благо практика всенародных обсуждений общенациональных вопросов, различных официальных документов в СССР и в России довольно богатая и небезуспешная⁸.

Демократия

Ч. 1 ст. 1 Конституции провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Стойкое неприятие (и эмоциональное, и рассудочное) вызывает у нас в данном случае единственное понятие – демократия. Оно, на наш взгляд, должно быть исключено из текста Основного закона. Постараемся аргументировано изложить свою позицию.

Демократия, благодаря «стараниям» западных властвующих элит окончательно себя дискредитировала. Она переживает кризис. Кризис системный и масштабный, глубокий и всеобъемлющий, затяжной и болезненный. Этот факт уже в течение длительного времени безоговорочно признаётся многими политическими деятелями, равно учёными, аналитиками и экспертами, представляющими различные отрасли общественно-гуманитарного знания, а также обычными, но неравнодушными избирателями. И, как известно, не только в нашей стране, а практически повсеместно.

Мы здесь, разумеется, не имеем в виду тех, кто и без того изначально, с момента зарождения данного способа организации и функционирования власти выступал его непримиримым идейным противником. А таких, надо сказать, немало.

⁴ Антология мудрости. Сост. В. Ю. Шойхер. – Москва: Вече, 2007. – С. 249.

⁵ Там же.

⁶ Ясно, что фактически такая собственность в Советском Союзе была всегда.

⁷ Напомним, что в соответствии со ст. 11 государству в СССР, наряду с землёй, её недрами, водами и лесами, принадлежали основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления государственных задач.

⁸ См., например, статьи Иванова И. В. [14, с. 87–90]; Черногора Н. Н., Залоило М. В. [15, с. 74–92].

Доказательств кризиса демократии, который вероятнее всего приведёт в обозримом будущем либо к её сокрушительному тотальному краху, либо к жёсткому формально-юридическому и фактическому ограничению использования её институтов и структур, характерных для неё приёмов и методов, множество. Речь идёт о серьёзных недостатках, хронических и опасных пороках и изъянах рассматриваемого политического режима, на удивление отчётливо и выпукло проявлявших и проявляющих себя на всём протяжении его существования и особенно на современном этапе. Не будем на них специально останавливаться: они подробно описаны нами в опубликованных ранее работах [16].

Обратим внимание лишь на один. Человечеству, той его части, которая живёт при республиканском правлении (собственно, и в условиях монархии, если коронованная особа властвует над подданными сугубо номинально, а в реальности доминируют другие, получившие руководящие функции по итогам всенародного голосования) потребовался совсем непродолжительный в историческом измерении период времени для того, чтобы воочию убедиться: господствующая в государственно организованном социуме избираемая населением элита, – президенты, депутаты, сенаторы и назначаемые ими министры, прочие лица, возглавляющие исполнительную ветвь власти, а также и судебную, в массе своей ничуть и ничем не лучше тех, к кому привилегированное положение переходит по наследству, – цари, короли, князья, герцоги, бароны и т. п. Не лучше в том смысле, что они вовсе не обязательно оказываются умнее и образованнее, компетентнее и профессиональнее, честнее и совестливее и т. д., нежели аристократы всех видов и мастей. Выборы, будучи неотъемлемым атрибутом демократии, этого не обеспечивают. Они, вопреки ожиданиям, не гарантируют верховенство наиболее достойных.

Перед всеми, кто вдумчиво, обстоятельно и комплексно изучает реалии демократии, её истинное содержание, её конкретные формы и типы, естественно встаёт череда вопросов: почему в итоге она пребывает в таком удручающе депрессивном состоянии, в состоянии катастрофического упадка, духовной деградации, культурного регресса? Каковы причины тому послужившие? Отчего её охватил глобальный кризис?

Ясно, что сложившаяся ситуация не может быть следствием одних только злонамеренных действий, результатом исключительно вредоносных манипуляций, предпринимаемых истеблишментом западных стран. Последний, стремясь во что бы то ни стало сохранить своё господство, целенаправленно и методично в течение долгих лет извращал и извращает априорный благородный смысл, выхолащивал и поныне выхолащивает изначально имевшееся высокое предназначение демократии, ориентированной, по крайней мере, по своей концептуальной интенции, на достижение справедливости. Нет, дело тут главным образом не в этом. Дело в том, что демократия – порочна уже с момента своего рождения. Посему возведение её в ранг основного способа, универсального принципа выстраивания властных отношений в государстве и придание ей статуса официальной идеологии абсолютно не оправдано и неминуемо разрушительно для любого социума.

Стоит отдельно отметить, что постоянное, грубое и циничное искажение на практике её базовых постулатов происходило и происходит в западном мире одновременно со своего рода её обожествлением, с превращением её в некую «священную корову», с почти сакральным поклонением ей. Это парадоксально, но объяснимо. Оба эти, казалось бы, взаимоисключающих процесса выгодны, точнее, жизненно необходимы буржуазии, ибо отвечают её классовым интересам. Капитализм и демократия тесно связаны между собой, они взаимообуславливают и взаимовоспроизводят друг друга [17, с. 12–23]. Но вместе с тем, с позиций олигархата и его особо одарённых и изощрённых приспешников (отнюдь не все пособники и слуги нобилитета обладают должной квалификацией), и демократия, и капитализм нередко нуждаются в существенной, иногда кардинальной корректировке. Ведь приоритетная цель западных элит – сохранение и упрочение принадлежащих им власти и богатства, а вовсе не обеспечение подлинной свободы, социальной справедливости, рыночных отношений, не защита прав граждан, провозглашённой апологетами буржуазного строя священности частной собственности, демократических принципов организации и функционирования общества и т. д., и т. п.

Вернёмся, однако, к нашему тезису об изначальной порочности демократии и соответствующей ей идеологии. Глубокое убеждение автора настоящей работы (в отличие от мнения, отстаиваемого многими исследователями) заключается в том, что именно её априорной ущербностью детерминировано то кризисное состояние, в котором она пребывает сегодня. Такое её состояние представляется нам логиче-

ским исходом, закономерным результатом триумфального утверждения и последующего эволюционирования в западной ойкумене институтов и структур, установок и ценностей либеральной демократии. Она всегда содержала в себе сокрытую от праздного взгляда, но вполне реальную возможность своей будущей деградации, своего потенциального упадка и разложения.

Эта возможность, которая, как мы видим, на нынешнем историческом этапе в полной мере воплотилась в действительность, обусловлена тем, что содержательное наполнение демократии, как социокультурного феномена, можно во многом признать ничтожным.

Этот факт был проанализирован и блестяще описан более века назад Н. А. Бердяевым и с тех пор, как это ни поразительно, был практически предан забвению. Обращаясь к духовным первоосновам, осмысливая саму идею демократии, он подчёркивал, что «она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания» [18, с. 466], что она «не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели» [18, с. 466].

Демократия, оказавшись изначально в плену у своего собственного доминантного, по сути, определяющего её признака или, если угодно, её руководящего начала, главнейшего принципа (которым она «дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять» [18, с. 466]), а именно – волеизъявления большинства, как достаточного и единственного основания для принятия решений и (или) осуществления выбора, сразу же обнаружила свою бессодержательность. Ведь названный принцип – суть принцип сугубо формальный, беззастенчиво отдающий вульгарным механицизмом, призывающий всегда и при всех обстоятельствах покорно склонять голову перед численным превосходством. Демократия, как совершенно справедливо отмечает Н. А. Бердяев, «предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов» [18, с. 466]. А почитание, по сути, культ исключительно количественного начала, признание «власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдаёт её на растерзание количественного большинства» [18, с. 466].

Демократия, руководствуясь прежде всего принципом волеизъявления большинства, пугающе безразлична к качеству, нравственному и интеллектуальному его содержанию. Она вовсе не озабочена обнаружением далеко не всегда очевидной, а зачастую, напротив, сокровенной, глубинной направленности, целеустремлённой сосредоточенности этой воли. В результате демократия выступает довольно примитивным организационным механизмом, не более чем незамысловатой технологией, предлагающей удручающе простой и явно неадекватный способ формирования государственно-властных структур и управления современными чрезвычайно сложными и с течением времени всё усложняющимися общественными системами.

Наше критическое отношение к демократии многократно усиливается по мере ясного осознания того, что данная её характерная черта в полной мере вообще неустранима. Это понимают, скорее, инстинктивно чувствуют и её апологеты. Стремясь всеми силами максимально нивелировать описанный отличительный признак демократии, они искусно изобретают и внедряют всё новые и новые её виды. Следует признать, что порой они достигают здесь некоторых незначительных успехов. О какой только демократии не писали и не пишут, какие только её модели и разновидности не обсуждались и не обсуждаются в научных, околонучных, политических и журналистских кругах. Помимо давно известной и реализуемой на практике прямой и представительной демократии говорили и продолжают говорить о суверенной, делиберативной (совещательной), консенсусной, мажоритарной, минималистской, партиципативной (демократии участия), плебисцитарной, об управляемой, агрегативной, институциональной, экономической и прочих её видах и концепциях. Но по большей части попытки приверженцев демократии приукрасить её, точнее, адаптировать к новым феноменам социально-экономической и политической жизни, к стремительно меняющимся реалиям общественного бытия всякий раз оказываются тщетными, терпят очередную крах. И это не удивительно. Ведь неизменным, можно даже сказать, неизблемым и при этом доминантным остаётся основной её принцип (отказ от него равносильен отказу от самой демократии), а именно, – принцип поклонения волеизъявлению большинства, начисто выхолащивающий любое живое содержание, позволяющий с лёгкостью, бездумно и ничтоже сумняшеся в любых ситуациях освобождаться от необходимости нравственного выбора, служения какой-либо вдохновляющей идеи или высшей цели.

Если попытаться дать в самом общем виде ответ на вопрос, что нужно сделать для преодоления недостатков демократии, то он мог бы быть следующим: необходимо создать разветвлённую, многоуровневую, хорошо сбалансированную, действенную систему мер, нацеленную на обеспечение реального, живого участия в государственном управлении наиболее того заслуживающих представителей нации. Речь идёт о том, чтобы люди, благодаря своим талантам и трудолюбию достигшие значительных высот в той или иной области общественной жизнедеятельности, те, кто, по общему признанию составляет цвет нации, активно участвовали во власти.

Сегодня, когда в связи с усложнением процессов социального управления многократно возрастает потребность в принятии на государственном уровне ответственных и компетентных решений, особенно необходима система мер, гарантирующих постоянное и весомое, с точки зрения численности, присутствие в стане власть имущих лиц, в чьих высоких интеллектуальных и нравственных качествах не приходится сомневаться. Такая система, само собой разумеется, должна быть закреплена законодательно (желательно в основном в конституциях) и иметь в качестве единственного основания участия названных лиц во власти их принадлежность к, условно говоря, классу «новой аристократии», т. е. к классу тех, кто не иначе как своим трудом и выдающимися достижениями завоевал себе привилегированное положение в обществе и снискал славу непререкаемого морального авторитета.

Более того, мы в данном случае испытываем надежду на то, что предположение В. О. Ключевского (1841–1911) о грядущем изменении порядка властеотношений в обществе Будущего окажется пророческим. Приведём в этой связи его рассуждения. Политическому общежитию, основанному в целях общего блага, как отмечает учёный, предшествовали естественные союзы, связанные кровным родством. В этих союзах, конечно же, не было равенства, но не было и сословий; их место занимали возрасты: старшие составляли правящий класс, а младшие – управляемый. На смену такого рода союзу пришло сословное государство. В современном же государстве, продолжает В. О. Ключевский, тоже нет ни равенства, ни сословий; их место занимают изменчивые экономические состояния. Те, кто более всего платят государству, т. е. наиболее состоятельные, прямо или косвенно руководят его делами, а наименее состоятельные вынуждены им подчиняться. (Заметим, за истекшие более чем сто лет, положение никоим образом не поменялось, исключая то, что богатые научились виртуозно избегать налогообложения – *Примеч. авт.*) «Может быть, – предрекает историк, – и капитал утратит политический вес, уступив место другой силе, например науке, знанию; по крайней мере, о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий, их место займут *учёные степени* (выделено В. О. Ключевским – *Примеч. авт.*), и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов учёных обществ с дипломами» [19, с. 240–241]. И далее: «Будущее государство знания, науки устроится по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших» [19, с. 241]. Пожалуй, подобную организацию можно смело признать и более эффективной и, несомненно, более справедливой по сравнению с нынешней.

Человек, его права и свободы

И у нас, и у значительного числа коллег-обществоведов тревожные и обоснованные сомнения, веские нарекания, соображения резко критического характера вызывают предписания ст. 2 Конституции. Напомним, в соответствии с ними человек, а также его права и свободы объявляются высшей ценностью⁹. Государству вменяется в обязанность их признание, соблюдение и защита.

На первый взгляд может показаться, что всё сформулировано грамотно, логично и даже безупречно. Однако это неверное, надо подчеркнуть, глубоко ошибочное впечатление. Несмотря на то, что положение как бы второй части рассматриваемой статьи представляется разумным и нужным (пожалуй, мало кто осмелится оспаривать содержащееся в ней категорическое требование, обращённое к государственным институтам и структурам), предыдущая фраза (или предшествующая её часть) – порочна и поэтому неприемлема.

⁹ Объявляются, по меткому замечанию С. Н. Бабурина, явно «иезуитски» [1, с. 14].

Закреплённая в ней излишне самонадеянная, так сказать, откровенно дерзкая по отношению к необъятному, могущественному и гармоническому космосу позиция, призывающая, по сути, полагать личность осью мироздания, считать её центром вселенной, чрезмерно превозносить её, отвергается русским менталитетом, равно и умонастроениями, убеждениями, традициями и обычаями других этносов, издревле проживающих в России. Речь идёт об искренне верующих людях, исповедующих православие, которое сыграло громадную позитивную роль в становлении и развитии отечественной культуры и духовности, а также об адептах иных конфессий, коих у нас немало¹⁰. Речь идёт и о тех людях, которые, будучи проникнуты секулярным сознанием, настроены атеистически, но при этом, как и христиане, мусульмане, иудеи, буддисты, словом – все верующие, отнюдь не думают, что индивид и его права обладают первостепенной значимостью.

Комментируя Всеобщую декларацию прав человека, принятую на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. (в частности, ст. 29, п. 2), т. е. документ сугубо светский, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает, что в ней ещё тогда, на заре создания международного законодательства в данной области была заложена идея, согласно которой «права человека не могут быть абсолютной мерой вещей, но должны согласовываться с рядом параметров»¹¹.

Развивая эту мысль, он утверждает, что именно моральные нормы, в строгом соответствии с буквой и духом названной декларации, предстают реальным ограничителем для реализации прав человека в публичной сфере¹².

Декларация о правах и достоинстве человека, принятая в 2006 г. X Всемирным Русским Народным Собором «от имени самобытной русской цивилизации»¹³ провозглашает: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. (Для нас есть немало ценностей, превосходящих по значимости последние – *Примеч. авт.*). Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями»¹⁴. Невозможно, на наш взгляд, не согласиться с этой аргументированной, обоснованной, чётко и ясно изложенной позицией.

Далее. Необходимо особо подчеркнуть, что происшествие с Маугли в том романтизированном виде, в котором оно обычно преподносится, есть милая, ориентированная на очень юных слушателей, читателей и зрителей выдумка, совершеннейшая мистификация. Личности вне общества, без социума нет, не было и быть не может. Если детёныш *Homo sapiens* с момента своего рождения какое-то время, пусть относительно непродолжительный период жизни, волею судеб проводит в животной среде, меж диких зверей, впоследствии, и это отлично знают все антропологи, медики, физиологи, психологи, психиатры, представители других отраслей науки, его практически нельзя социализировать. В сознании, в организации, структуре, содержательном наполнении его психической деятельности происходят некие кардинальные и притом настолько необратимые, пагубные трансформации и превращения, что этот ребёнок даже после воссоединения с миром людей никогда в полной мере не возвращается в социум или, точнее сказать, не становится в будущем полноценным его членом.

Следовательно, человек, как специфический вид живых существ, отличающийся разумностью, способностью мыслить, осознанно действовать, трудится, производить и строить, изобретать символы,

¹⁰ В сущности, ни одно вероучение не рассматривает человека, и уж тем более его права и свободы, в качестве высшей ценности. На данное обстоятельство обращают внимание, многие. Так, С. И. Захарцев подчёркивает, что и для других (помимо христианства), широко распространённых у нас мировых религий, например, ислама, тоже характерен приоритет общественного начала над личным. Посему большинство населения не поддерживает западную концепцию прав человека, а если и поддерживает, то далеко не в полном объёме [20, с. 141].

¹¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном обществе. – Москва: Всемирный Русский Народный Собор, 2016. – С. 56.

¹² Там же. – С. 59.

¹³ Декларация о правах и достоинстве человека, принятая в 2006 г. X Всемирным Русским Народным Собором. – URL: <https://vrns.ru/documents/63/1179>.

¹⁴ Там же.

самым важным из которых справедливо считается слово, имеющий эмоции и традиции, представление о своей смертности и т. д. может самореализоваться и полноценно существовать в качестве такового исключительно в обществе¹⁵. В отрыве от него, изолированно от него, вне его он, строго говоря, – вообще не человек. Несомненно прав К. Маркс (1818–1883), когда в краткой, но чрезвычайно ёмкой, насыщенной плодотворными идеями работе, написанной в 1845 г. «Тезисы о Фейербахе», которую Ф. Энгельс (1820–1895) гораздо позже, в 1888 г., охарактеризовал, «как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [21, с. 340] настаивал на том, что сущность человека в своей действительности «есть совокупность всех общественных отношений» [22, с. 3].

Посему критикуемое нами конституционное положение с научно-методологической точки зрения некорректно. Вольно или невольно, намеренно или безотчётно, умышленно или непроизвольно, но субъект здесь, рассматриваемый как самодостаточная и отвлечённая единица, словно бы отрывается от социума и даже противопоставляется ему.

И наконец, последнее. Перед каждым человеком время от времени, особенно в судьбоносные исторические периоды, с неизбежностью возникает один и тот же вполне закономерный вопрос: почему, собственно, конкретно для меня, как индивида, члена крупного политического, экономического и культурного сообщества, права и свободы сингулярной личности должны быть важнее, первостепеннее, значимее, чем права, интересы и цели окружающего и сформировавшего меня социума, равно и государства, гражданином которого я являюсь? Ответ обычно оказывается приблизительно таким. Попраirie прав и свобод отдельного, совершенно незнакомого мне и не имеющего ко мне никакого отношения человека, разумеется, отражается на моей жизни, но, как правило, не так уж чувствительно, не столь уж явственно и скорее лишь косвенно (если, конечно, таковое не приобретает характера перманентно повторяющегося, массового явления). Когда же речь идёт обо всём государственно организованном социуме, то складывается иная ситуация: умаление интересов последнего зачастую касается меня самым прямым и непосредственным образом, нередко тотчас или в конечном итоге, но всегда неминуемо ведёт к пагубным, порою катастрофическим последствиям для моего будущего, моего жизнеустройства.

В результате каждый индивид (точнее, их большинство, хотя, заметим, далеко не все) склонен на основе полученного в прошлом опыта и рационально-прагматического выбора, реже – в силу определённых соответствующих убеждений и аксиологических установок, полагать, что для него права и потребности общества гораздо существенней.

Для огромного числа наших сограждан (будь то приверженцы различных религиозных учений, либо непреклонные материалисты, отрицающие Всевышнего и его априори праведный и вместе с тем принципиально непостижимый промысел, или же лица, до конца не определившиеся по вопросу своего отношения к Богу) несомненно существуют ценности надличностного уровня, превосходящие по своей значимости озабоченность единичной судьбой индивида и даже самой его жизнью. У нас испокон веку признаётся преобладание целого над частями, приоритетность общественного начала над личным¹⁶. Для большинства наших соотечественников первостепенную важность составляют такие понятия и обозначаемые ими, вполне реально ощущаемые и осмысливаемые объекты, явления и предметы, как Родина, вера, долг, любовь, дружба, честь, совесть, и т. п. С ними непосредственно связана идея бескорыстной, вдохновенной жертвенности, спокойной внутренней готовности к ревностному, апостольскому служению, к великому созидательному подвигу самопожертвования, органически свойственному русскому духу.

¹⁵ Очевидно, что и другие живые существа обладают в разной степени некоторыми из названных атрибутов. Однако эта тема ещё недостаточно изучена наукой и к тому же не составляет предмет нашего исследования.

¹⁶ Такого рода понимание аксиологии иерархической структуры бытия, в частности бытия социального, с давних пор характерно отнюдь не только для нашего народа, но и для других этносов и цивилизаций, что нашло отражение в высказываниях и суждениях их выдающихся представителей. Так, древнегреческий историк Фукидид (около 460–около 400 до н. э.) считал, что положение дел, при котором процветает всё государство в целом, предпочтительнее, полезнее для граждан, нежели преуспевание, благоденствие отдельных их них (Афоризмы: По иностранным источникам. Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин. Предисл. Н. М. Грибачева. – 3-е изд. перераб., доп. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 20).

Таковую же позицию (как Фукидид, а также Платон и Аристотель), по сути, занимал и Г. В. Ф. Гегель (1770–1831). Государство, как считал философ, существует вовсе не для того, чтобы заботится об индивидах, оберегать и защищать их, обеспечивать реализацию их интересов, прав и свобод. Государство – самоцельно, более того, оно есть самоцель.

В сущности, и вся марксистская теория пронизана идеей необходимости преобладания целого над частью, общества и государства над индивидом.

Именно такой, жертвенный, притом массовый героизм имманентно присущ нашему многонациональному народу. И он зримо, особенно явственно обнаруживает себя в тяжкие, суровые годы страшных испытаний: во времена жестоких, кровопролитных войн. Сегодня, как и в периоды Второй мировой войны, вторжения наполеоновских полчищ в XIX в. и т. д., мы ежедневно, благодаря самоотверженной работе военных корреспондентов, оказываемся свидетелями поистине героических поступков, доблестных деяний и благородных свершений российских солдат и офицеров в зоне проведения на Украине¹⁷ СВО, которая была вызвана чужденоненавистнической политикой Запада и быстро трансформировалась в теперь уже открытое столкновение с силами враждебного нам Североатлантического альянса во главе с США.

Названные и другие надличностные, если угодно, наиболее высокоранговые ценности ни при каких обстоятельствах недопустимо уравнивать по крайней мере со многими правами и свободами граждан. В самом деле, стоит ли ставить перечисленные понятия на одну ступень с такими, например, зафиксированными в Конституции, безусловно очень важными, но всё же в определённом смысле второстепенными правами, как право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48, ч. 1), право на отдых (ст. 37, ч. 5), право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31), право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы (ст. 30, ч. 1), и т. д.? Не абсурдно ли возводить упомянутые и целый ряд иных прав и свобод человека в ранг высших ценностей? Ответ, как нам представляется, очевиден.

Подытоживая сказанное, мы считаем, что, когда речь идёт о политико-правовой сфере, т. е. сфере динамичной, насыщенной разнообразными событиями, вбирающей в себя множество различных структур и институтов, чутко реагирующей даже на незначительные изменения во всех прочих областях общественного бытия и т. п., не следует стремиться окончательно, безапелляционно и категорично (в том числе и законодательно) решать вопрос, кто, условно говоря, значимее – государство или гражданин, и чьи интересы, социума или личности целесообразно защищать в первую очередь. Нам близка идея В. С. Соловьёва (1853–1900) о том, что «сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага»¹⁸. Поэтому гораздо разумнее встать на путь поиска «золотой середины», другими словами, попытаться максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и права отдельного индивида, поставить его, пользуясь выражением А. де Токвиля (1805–1859), на один уровень с обществом [23, с. 503].

Заключение

Неоспоримых доказательств, конкретных примеров, иллюстрирующих неприемлемость ряда конституционных положений, можно привести ещё немало. Специалистам они хорошо известны. Все они красноречиво свидетельствуют в пользу принятия новой Конституции России, в которой не останется места для указанных и прочих, конечно, имеющихся в ней недостатков, несуразностей и огрехов.

Список литературы

1. *Бабурин С. Н.* Реформа Конституции Российской Федерации в 2020 году: возвращение конституционализма на национальный маршрут // Вестник Московского государственного университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2020. – № 2 (24). – С. 14.
2. *Авакьян С. А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: мат. Межд. науч. конф. (Москва, 28–31 марта 2007 г.) / под ред. С.А. Авакьяна. – Москва, 2008. – С. 11–36.
3. *Авакьян С. А.* Политика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2011. – № 1. – С. 21–38.

¹⁷ С точки зрения правил грамматики русского языка, как известно, следует говорить «на Украине».

¹⁸ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия: конец XIX–XX вв. Национальный общественно-научный фонд. – Москва: Мысль, 1999. – С. 96.

4. *Бабурин С. Н.* Действующая Конституция России как основа неразрешимости противоречий современной России // Человеческий капитал. – 2013. – № 11. – С. 4–7.
5. *Клеандров М. И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 7–17.
6. *Шульженко Ю. Л.* Реальность, стабильность, динамизм, жёсткость, гибкость Конституции Российской Федерации // Государство и право. – 2024. – № 4. С. 39–55.
7. *Радько Т. Н.* Об идеологической функции права. Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 73.
8. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. – Москва: Республика, 1993. – С. 191.
9. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарёв [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарёва. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 56.
10. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2 изд. – Москва: РЮИД: «Сашко», 2000. – С. 11.
11. Александр Зиновьев – русская судьба / ред.-сост. О. М. Зиновьева, А. С. Блинов. – Москва: Биографический институт Александра Зиновьева, 2022. – С. 69.
12. *Суханов Е. А.* Право собственности в современной России. – Москва, 1999. – С. 171.
13. *Гошуляк В. В.* Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве. Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 146.
14. *Иванов И. В.* Конституционно-правовое развитие института всенародного (общественного) обсуждения публичных вопросов в 1950–2000-е годы. Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (136). – С. 87–90.
15. *Черногор Н. Н., Залоило М. В.* Совершенствование общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 74–92.
16. *Керимов А. Д.* Демократия: опыт критического анализа. – Москва: Норма, 2019.
17. *Керимов А. Д.* Капитализм и демократия // Вопросы философии. – 2019. – № 4. – С. 12–23.
18. *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – Москва, 1991. – С. 466.
19. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / под ред. В. Л. Янина. – Москва: Мысль, 1989. – С. 240–241.
20. *Захарцев С. И.* Некоторые проблемы теории и философии права. – Москва: Норма, 2014. – С. 141.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. II. 1952. – С. 340.
22. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 3. – Москва: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – С. 3.
23. *Токвиль А.* Демократия в Америке / перевод с франц. – Москва: Весь Мир, 2000. – С. 503.

References

1. *Baburin S. N.* Reforma Konstitucii Rossijskoj Federacii v 2020 godu: vozvrashchenie konstitucionalizma na nacional'nyj marshrut // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2020. – № 2 (24). – S. 14.
2. *Avak'yan S. A.* Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya // Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya: mat. Mezhd. nauch. konf. (Moskva, 28–31 marta 2007 g.) / pod red. S.A. Avak'yana. – Moskva, 2008. – S. 11–36.
3. *Avak'yan S. A.* Politika konstitucionnyh reform: nekotorye problemy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. – 2011. – № 1. – S. 21–38.
4. *Baburin S. N.* Dejstvuyushchaya Konstituciya Rossii kak osnova nerazreshimosti protivorechij sovremennoj Rossii // Chelovecheskij kapital. – 2013. – № 11. – S. 4–7.
5. *Kleandrov M. I.* O neizbezhnosti razrabotki i prinyatiya novoj Konstitucii Rossijskoj Federacii i chto v nej dolzhno byt' // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 1. – С. 7–17.
6. *Shul'zhenko Yu. L.* Real'nost', stabil'nost', dinamizm, zhyostkost', gibkost' Konstitucii Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 4. S. 39–55.
7. *Rad'ko T. N.* Ob ideologicheskoy funkcii prava. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 4 (93). – S. 73.

8. *Berdyayev N. A.* O naznachenii cheloveka. – Moskva: Respublika, 1993. – S. 191.
9. Gumanitarnyj potencial Konstitucii Rossijskoj Federacii: monografiya / N. S. Bondar', V. I. Kruss, G. N. Chebotaryov [i dr.]; pod red. G. N. Chebotaryova. – Tyumen': TyumGU-Press, 2024. – S. 56.
10. *Avak'yan S. A.* Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. – 2 izd. – Moskva: RYUID: "Sashko", 2000. – S. 11.
11. Aleksandr Zinov'ev – russkaya sud'ba / red.-sost. O. M. Zinov'eva, A. S. Blinov. – Moskva: Biograficheskij institut Aleksandra Zinov'eva, 2022. – S. 69.
12. *Suhanov E. A.* Pravo sobstvennosti v sovremennoj Rossii. – Moskva, 1999. – S. 171.
13. *Goshulyak V. V.* Yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержание instituta sobstvennosti v konstitucionnom prave. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 4 (93). – S. 146.
14. *Ivanov I. V.* Konstitucionno-pravovoe razvitie instituta vsenarodnogo (obshchestvennogo) obsuzhdeniya publichnyh voprosov v 1950–2000-e gody. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2016. – № 4 (136). – S. 87–90.
15. *Chernogor N. N., Zaloilo M. V.* Sovershenstvovanie obshchestvennogo obsuzhdeniya proektov normativnyh pravovyh aktov // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2018. – № 4. – S. 74–92.
16. *Kerimov A. D.* Demokratiya: opyt kriticheskogo analiza. – Moskva: Norma, 2019.
17. *Kerimov A. D.* Kapitalizm i demokratiya // Voprosy filosofii. – 2019. – № 4. – S. 12–23.
18. *Berdyayev N.* Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. – Moskva, 1991. – S. 466.
19. *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: v 9 t. T. VI. Special'nye kursy / pod red. V. L. Yanina. – Moskva: Mysl', 1989. – S. 240–241.
20. *Zaharcev S. I.* Nekotorye problemy teorii i filosofii prava. – Moskva: Norma, 2014. – S. 141.
21. *Marks K., Engel's F.* Izbrannye proizvedeniya. T. II. 1952. – S. 340.
22. *Marks K., Engel's F.* Sochineniya. Izd. 2. T. 3. – Moskva: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1955. – S. 3.
23. *Tokvil' A.* Demokratiya v Amerike / perevod s franc. – Moskva: Ves' Mir, 2000. – S. 503.

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025

Received: 20.01.2025

Статья поступила для публикации: 11.03.2025

Accepted: 11.03.2025